

Рецензии

Т.В. Зверева

ЕЩЕ ОДИН ЭТЮД ОБ ЭКФРАСИСЕ

(рец. Марков А.В. «Пальмы Сиона: 42 этюда об экфрасисе в поэзии». – Издательские решения, 2016. – 166 с.)

Всесильный бог деталей,
Всесильный бог любви...
Б.Пастернак

Название этой рецензии не совсем соответствует истине, ибо новая книга Александра Маркова состоит не из одного, а из сорока двух этюдов об экфрасисе. На сегодняшний день интермедийные исследования определяют стратегические пути филологии, в очередной раз обнаруживая единство различных искусств в постижении тайны мира. Однако данный труд выбивается из этого ряда. Являя редкий тип ренессансного ученого, обладающего универсальным знанием и взглядом на мир, Марков в «Пальмах Сиона» не столько предлагает разрешение научных задач, сколько прочерчивает возможные пути осмысления текста. Название книги символично и расшифровано в первом этюде: под пальмами Сиона европейская живопись располагала незаинтересованного зрителя (ангела), созерцающего таинственное священнодействие. Обращение к визуальной образности не случайно, поскольку, по мнению автора, «логика живописной наглядности оказывается важнее логики упрощающей схематизации» [с. 9]. Через всю книгу проводится мысль о пластической природе художественного слова, его сокровенной связи с вещью, а шире – с реальностью как таковой, обладающей плотностью и осязаемостью.

Марковские этюды поражают неожиданностью подходов и вниманием к деталям художественного целого. Вот далеко не полный перечень вопросов, которыми задается автор, приглашая читателя в семиотическое путешествие: 1) Почему Ла Тур? 2) Почему Мандельштам вручает Чаадаеву посох Августина? 3) Почему отсутствует перстень на руке отца на картине Рембрандта «Возвращение блудного сына»? 4) Почему в стихотворении Мандельштама «Улыбнись, ягненок гневный...» упомянут холст, когда «Святое семейство» Рафаэля написано на доске?.. Рядом с этими вопросами расположены другие, начинающиеся со слова «как»: 1) Как взгляд рембрандтовского Тульпа отражен в «Развлечениях демидурга» Елены Шварц? 2) Как обращенное к Пиранези стихотворение Яна Каплинского связано с треугольником Паскаля? 3) Как оживают плакатные голуби во «Второй сентябрьской голубятне» Аллы Горбуновой? 4) Как визуально отражена в пастернаковском «Августе» тема триумфа?..

Впрочем, типы этих и других вопросов легко меняются местами, ибо смысл марковского труда вообще не сводим ни к вопросам, ни к ответам. Перед нами принципиально иной подход, актуализирующий само пространство мысли. Признаюсь, подобный эффект от чтения я испытала лишь однажды, когда мне впервые попали в руки лекции Мераба Мамардашвили, где философия предстала как живое дело. Сама незаконченность «Пальм Сиона», их принципиальная фрагментарность указывают на то, что Александру Маркову важно не столько задержать своего читателя на отдельных ее главах, сколько сделать осязаемым сам процесс мысли. Этой стороной книги объясняется ее композиция – очередность глав связана не с предметом изучения, а с течением авторской мысли и временем написания этюдов. Иногда автор многократно обращается к одному и тому же имени как, например, в случае с О. Мандельштамом или Е. Шварц. Эти фрагменты отстоят друг от друга, но поверх устанавливаются новые семантические связи, проступают контуры еще одного научного сюжета. В результате экфрасисы Мандельштама и Шварц образуют самостоятельные сюжетные линии.

«Пальмы Сиона» могут быть прочитаны по-разному, траектория чтения здесь если и задана, то вовсе не является обязательной. «Сад расходящихся тропок» – наверное, именно это выражение Борхеса всего более соответствует структуре рецензируемой книги. Попутно заметим, что в книге имеется замечательный этюд «Тропа в поэзии», где говорится об эволюции 'тропы-судьбы' в поэзии Серебряного века. Причины семантического сдвига в значении слов связаны, по мнению автора, с изменениями в архитектуре парковой культуры.

Исследователь легко ломает привычные представления об единстве литературного процесса. Наряду с классическими именами (Вл. Соловьев, О. Мандельштам, А. Ахматова, Б. Пастернак, И. Анненский, К. Бальмонт, В. Комаровский и пр.) героями этой книги стали современные авторы, чья поэзия подчас вообще представлена только в сети (Евгения Сулова, Василий Бородин, Алла Горбунова, Александра Цибуля, Екатерина Соколова, Алексей Кручковский и пр.). В поле исследовательского зрения попадает не только русская, но и европейская литература (Якопо Саннадзаро, Тито Веспасиано Строщи, Пико делла Мирандола, Ян Каплинский и пр.). Иными словами, под пальмами Сиона расположились поэты и писатели, в чьем творчестве осязаема визуальная составляющая. Критерий отбора текстов только один – речь идет о подлинной поэзии, соотносящейся как с сокровенными смыслами бытия, так и с внутренней жизнью самого автора книги.

Читатели этих этюдов возьмут многое для себя – их автор щедр на гипотезы. Поскольку исследование посвящено проблеме экфрасиса, отметим, что в книге выявлен ряд живописных источников, о которых еще не говорилось в филологической науке. Так убедительно звучит мысль о том, что стихотворение Анны Ахматовой «Художнику» является поэтическим откликом на картины А.Я. Головина «Павловск» и «Золотая осень». Уточняется экфрасис Виктора Кривулина – как выясняет Марков, стихотворение «Ла Тур» восходит не к «Магдалине у зеркала», а к картине «Жена порицает Иова». В стихотворении В. Комаровского «Закат» обнаружена живописная цитата из «Дианы и Каллисто» Тициана. Картина Боттичелли «Суд Париса» оказывается ключом к прочтению ряда стихотворений Марии Степановой. В «Двойных временах» Михаила Еремина увидены «Три возраста» Тициана и живописные циклы Альфонса Мухи. А в «Тоске возврата» Иннокентия Анненского Марков усматривает смешение боттичеллевских «музицирующих ангелов» с ангелами на картинах Франческо Боттичини. Эти и другие догадки автора удивительны. «И доказательств никаких не требуется», – заметил однажды булгаковский Воланд, тоже, кстати, трансформировавший словесную историю в пластическую (не случайно Ивану Бездомному кажется, что рассказ профессора ему приснился, т. е. привиделся). Впрочем, доказательства у Маркова как раз имеются и с ним трудно поспорить, поскольку исследователю присущ целостный взгляд, соединяющий разные области знания – философию, богословие, искусствоведение и филологию.

42 этюда – яркое подтверждение бахтинской концепции о диалогичности бытия: гуманитарная мысль существует только в момент соприкосновения, непосредственного контакта с предметом или объектом исследования. Маркову важна сиюминутность исследовательской реакции, он пытается ухватить миг рождения мысли. Вот как начинается завершающий книгу этюд «Возраст толкования»: «Стихотворение Василия Бородина появилось в Фейсбуке автора за час до того, как я пишу этот анализ» [с. 159]. Приведем строки, привлечшие внимание исследователя:

камешек в башмаке
долгая дорога с кем
камешек по воде
долгая дорога где
камешек на ладонь
долгая дорога дом

Разговор о возможном экфрасисе в конечном итоге выводит к следующим размышлениям, касающимися уже не столько текста, сколько собственной жизни: «Поражает финал: долго ли, коротко ли, не коротко ли – не стаптываются башмаки в пыль придорожную, но наоборот, сохраняется родная горсть земли, с которой и сходишь в могилу, и заставляющая отбивать резкий, почти танцевальный легкий ритм "ко-рот-ко", с блюзовым раскатом "ли". Завершение пути, долгой дороги, оказывается началом ритма, "и услышишь, далеко-далеко на земле где-то дождик идет"» [с. 162]. Вот уж, действительно:

камешки горсть земли
коротко ли долго ли...

Именно этот – сорок второй – этюд венчает книгу. «Возраст толкования» – одновременно и отсылка к картине Джорджоне «Три философа», и отсылка к собственному возрасту, ибо «нельзя дважды войти в одну реку», и подобное прочтение возможно только однажды – в той точке пространства и времени, в которой находится исследователь. За масками героев книги часто видится лицо самого

автора: «В поэтическом творчестве Пико, остающемся в тени его философских заслуг, служащем как бы заставкой или виньеткой к его вдохновенным учёным трудам, поэзия становится поэзией учёных: научной поэзией или досужим изложением мимолётных мыслей» [с. 30]. О ком говорится в заключении седьмого этюда решать читателю. С моей точки зрения, «Пальмы Сиона» – это и есть «заставка» к философии Александра Маркова, поэтический научный труд, изложение мимолетных, но от этого не утративших свое значение, мыслей. Это поиск себя и тех путей, по которым должна идти современная филология.

И, наконец, главное. Несмотря на «ученость» «Пальм Сиона», они ориентированы на этическую парадигму. Перед нами трудный во всех смыслах разговор о нравственности и о том, как человеку БЫТЬ в современном мире.

Поступила в редакцию 20.02.2018

Зверева Татьяна Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

T.V. Zvereva

ONE MORE ETUDE ABOUT EKPHRISIS (Markov A.V. “Palm trees of Zion: 42 etudes about ekphrasis in poetry”. – Publishing decisions, 2016. – 166 p.)

Received 20.02.2018

Zvereva T.V., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru